

ТРИ ИУДЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА:
Л. АНДРЕЕВ, М. ВОЛОШИН, А. РЕМИЗОВ

Л. А. Иезутова

Иуда мне представляется темой, равной Каину и Фаусту. И хочется, чтобы каждый написал своего Иуду... (Максимилиан Волошин)

Иуда Искариот – знаковая фигура в истории религии и в мировой культуре. Разговоры о том, что те или другие богословы, философы, творцы искусства ставили своей целью “обвинить” или “оправдать” Иуду, наивны и неубедительны. Знатоки, как и профаны, испокон веков силятся *понять* Иуду и *объяснить* его поступок, называя его то преступлением, то подвигом, то предательством.

Брожение сознания всех слоев общества России на рубеже XIX и XX веков охватило и религиозно-нравственную сферу; она обрела актуальность, вызывала острый интерес к фигурам Иисуса Христа и Иуды Искариота. Иисус и Иуда воспринимались и как исторические личности, проецировавшиеся на жгучую современность, и как предания, легенды, мифология веков, порождавшие новейшую мифопоэтику, способную проникнуть в суть сущего.

Оживился интерес к трудам историков всех времен и отцов церкви, начиная с блаженного Августина, святого Иоанна Златоуста, монаха и священника Фомы Кемпийского, автора сочинения “О подражании Христу”, выдержавшего более двух тысяч изданий и переведенного в России самим К. П. Победоносцевым, до трудов XIX века. От десятилетия к десятилетию переживались эпидемические увлечения апокрифическими сочинениями гностиков и их последователей, сочинениями прославленных теологов рационалистического богословия Д. Штрауса и Э. Ренана, а также сочинениями представителей новейшего, в том числе “нравственного богословия”, таких как М. М. Тареев или М. Д. Муретов.

Вне зависимости от того, кем считали Иуду писатели – историческим лицом (апостолом Иисуса Христа) или персонажем легенды, как они расценивали поступок, зафиксированный Евангелием или фольклорным преданием, – с древнейших времен Иуда стал в литературе “вечным образом”. К обработке сюжета “Христос – Иуда” причастны Мильтон и Клопшток, Гете и Диккенс. В России конца XIX – начала XX века Иуда широко присутствовал в переводных произведениях того же времени. России были хорошо известны бельгиец Тор Гедберг с поэмой “История одного страдания” (рус. перевод – “Иуда”, 1908); француз А. Франс с романом “Таис” (1890) и собранием афоризмов “Сад Эпикура” (1894); другой француз Е. Хебгардт (Эмиль Жебар) с рассказом “Последняя ночь Иуды” (рус. перевод – М. 1902: “Гибель Иуды” – Вятка 1904: “Последняя ночь Иуды”); итальянка Мария Корелли с повестью “Варавва”, выдержавшей в России 1900-1916 гг. четыре переводных издания; немец, нобелевский лауреат Пауль Хейзе с драмой “Мария из Магдалы” (рус. перевод 1907 г).

В то же время в России были созданы “Притчи скептика” (1908) А. В. Амфитеатрова, драма в стихах “Искарриот” (1905) Н. Н. Голованова, “Сирийские рассказы” (1906) С. С. Кондурушкина, поэма “Иуда Искарриот” (1890) П. П. Попова, два эссе – “Случай в деревне” (1900) и “Трепетное дерево” (1901) В. В. Розанова, стихотворение “Иуде” (1907) А. С. Рославлева, поэма-мистерия “После Голгофы” (1908) К. М. Фофанова. Не остался равнодушен ни к Христу, ни к Иуде и Ал. Блок. Тема Иуды открывается в его поэзии стихотворением “Был вечер поздний и багровый...” (написано в 1902-м, опубликовано 25 декабря 1907) и завершается наброском пьесы о Христе (1918). Замыкает этот ряд фило-софско-художественное исследование Д. С. Мережковского “Иисус Неизвестный” (1932). Среди русских и зарубежных книг весомое место заняли произведения трех художников: Андреева, Волошина и Ремизова. Все трое были заняты Иудой почти двадцать лет творческой жизни – от начала 1900-х до конца 1910-х годов.

Попробуем составить хронологическую канву их нахождения в теме на основе информации, почерпнутой из работ А. М. Грачевой, С. С. Гречишкина, Р. Дэвиса, Л. А. Иезуитовой, В. Н. Купченко, А. В. Лаврова, Е. Р. Обатниной, В. Н. Чувакова.

1900. Волошин смотрел мистерию об Иуде в баварском селении Обераммергау.

1902. В перечне замыслов, записанных Андреевым в Клеенчатой тетради, под номером 4 значится “Иуда”; здесь же в рубрике, озаглавленной “Задуманные и неоконченные рассказы”, под номером 28 – “Иуда Искарриот и другие”.

1903, 26 июня. Из письма к С. П. Довгелло узнаем о начале работы Ремизова: “Взялся за Иуду. Вчитываюсь в Евангелие, чтобы изобразить рамку”.

1903, 28 октября. Поэма Ремизова “Иуда” была готова. Вследствие издательско-цензурных препон в альманахе “Северные цветы” она, как было условлено, напечатана не была. Правда, в символистских кругах (Брюсов, Вяч. Иванов, и другие) ее знали.

1906, 22 сентября. Состоялся четырехчасовой разговор Волошина с посетителями “Башни” Вяч. Иванова “обо всем самом важном”, в том числе “об Иуде”.

1906, 17 декабря. Волошин в доме Розанова “изложил свой взгляд на роль Иуды”. На стороне Волошина – Розанов и Ремизов (от него Волошин узнал о его поэме “Иуда”); против – священник Гр. Петров (возможный собеседник Андреева об Иуде).

1906. Ремизов пишет апокриф “Гнев Ильи Пророка, от него же сокрыл Господь день памяти его”.

1907, 24 февраля. Андреев окончил повесть “Иуда Искариот и другие”.

1907, 27 февраля. На лекции в Московском Литературно-художественном кружке Волошин впервые – вслед за аббатом Эжже – сформулировал концепцию поступка Иуды как подвига.

1907, 14 апреля. Вышла в свет повесть Андреева: 16-я книжка Сборников т-ва “Знание”.

1907, 19 июня. В газете “Русь” Волошин опубликовал рецензию на повесть Андреева (“Некто в сером”), где отверг андреевскую концепцию Иуды, противопоставив ей свою.

1907. В составе книги Ремизова “Лимонарь, сиречь: Луг духовный”. СПб., “Оры” вышел в свет апокриф “Гнев Ильи Пророка”.

1908, м. б., август. Волошин окончил черновой этюд “Евангелие от Иуды”.

1908. Поэма Ремизова “Иуда” опубликована в московском альманахе “Воздетые руки”; она вошла также в состав сборника ремизовских рассказов и поэм “Чертов лог и Полуночное солнце”. Тогда же Ремизов пишет “Трагедию о Иуде Принце Искариотском”

1909, ноябрь-декабрь. Журнал “Золотое руно” (№ 11-12) напечатал “Трагедию о Иуде Принце Искариотском”.

1910. Волошин написал ритмизованный набросок об Иуде-апостоле.

1910. Андреев маслом пишет портрет Иуды Искариота.

1912. В издательствах “Шиповник” и “Сирин” вышел в свет восьмой том Собраний сочинений Ремизова, в составе которого напечатан второй вариант “Трагедии о Иуде Принце Искариотском”.

1912. Андреев пишет пастель на тему Иуды: “Один обернулся”.

1918 Андреев пишет пастель на тему Иисуса Христа и Иуды Искариота: “Цари Иудейские”.

1919 ноябрь. Волошин завершает работу над стихотворением “Иуда-апостол”.

1919. ТЭО (Пг.-М.) выпускает в свет ремизовскую “Трагедию о Иуде Принце Искаротском”; в приложении к ней – поэму “Иуда” под названием “Иуда предатель”.

1925. Волошин намеревался написать стихотворение “Судьба Иуды” в продолжение “Иуды-апостола”.

Волошин шел к разгадке личности Иуды через старые-гностические, апокрифические источники; он отыскивал их, работая в хранилищах, находил у предшественников. Они помогли ему проникать в тайны лаконизма четвероевангелия. Обо всем найденном Волошин неустанно говорил и писал, где мог, в том числе и в рецензии на “Иуду Искарота”. Андреева он порицал за незнание, как ему казалось, апокрифов и искажение Евангелия. В черновой композиции “Евангелие от Иуды” (1908) Волошин осуществил попытку реконструкции утраченного, по преданию, евангелия, используя гностические апокрифы, легенды, четвероевангелие, произведения новейшего времени (А. Франс).¹ Итогом многолетней работы стало стихотворение “Иуда-апостол” (1919). В нем поэт представил художественный синтез своих поисков и находок.²

В центре стихотворения одно событие – Тайная Вечеря. Его первая часть – вводная – о евхаристии, о причащении одиннадцати апостолов хлебом и вином как телом и кровью Христа. Эта часть укладывается в традицию четвероевангелия. Две другие – собственно об Иуде. Акту предательства предшествует тайное “земное причастие солью и хлебом”: “горькое причастие”. Его следствием стало жреческое предательство, осмысленное как подвиг высшей преданности и любви, возложенный на Иуду самим Иисусом. Поэт завершает стихотворение пересказом – уже в который раз! – повести об аббате древнего Собора Парижской Богоматери, убедившемся в правоте своего предположения об Иуде как “самом старшем и верном ученике”; в качестве такового он “на себя принял бремя всех грехов и позора мира”, хотя субъективно ему “лучше бы... и не родиться на свет”.³

“Иуда-апостол” в ряду произведений трех авторов был последним. Его концепция восходила прежде всего к гностическим учениям; она ка-

¹ Волошин М. А. Евангелие от Иуды // Наука и религия 1992. № 2, с. 18-19.

² См. об этом: Гречишкин С. С., Лавров А. В. М. Волошин и А. Ремизов // Волошинские чтения. М. 1981, с. 99-100.; Купченко В. Н. Подвиг высшего смирения // Наука и религия 1992. № 2, с. 16-17.

³ Волошин М. А. Стихотворения и поэмы. СПб., Наука, 1995, с. 288-289.

салась первооснов евангельской космогонии; образ Иуды непосредственно связан с “галлюцинирующей верой” этих “христианских еретиков” (слова из статьи Волошина “Некто в сером”).

Три произведения Ремизова – поэма “Иуда предатель”, апокриф “Гнев Ильи Пророка”, “Трагедия о Иуде принце Искаротском” составили подобие цикла: каждое имеет свой особенный аспект, все вместе они раскрывают тему Иуды в различных исторических и литературных планах.

Началом была поэма “Иуда” (1903) – наиболее “интимная” часть цикла. Ремизов был подготовлен к ней собственной судьбой. В поэме звучит мотив вины как некой метафизической силы и безысходной трагедии. Душой Ремизов был с падшими, несущими крест за всечеловеческий “адамов” грех. Иуду он относил к их числу. Слушая “Страсти от Матфея” И. Баха, писатель остро почувствовал “отчаяние Иуды”.⁴ Тайна Иуды для Ремизова, говоря его словами, была из тех, “от которых на стену лезут”.⁵ Об Иуде писатель “сколько раз думал, как о пламеннике веры и венце всяких страданий” (Письмо к Брюсову от 13 янв. 1904).⁶

Сюжет поэмы выстраивает драматизм отношений двух героев – Иисуса и Иуды. Тема Иисуса инструментована шестью цитатами из Священного Писания. Они подсказывают и проясняют сложные повороты судьбы Иуды – любящего, верного, предающего, отчаявшегося и погибшего. Зачин поэмы – это плач о судьбе будущего предателя, оканчивающийся словами: “О горе, горе! / Вечность казни. / Костры позоров. / Людская слава”.⁷ Следующая часть посвящена теме служения Иуды – самого верного, но должного таиться, потому что его путь лежит через явную гибель души во имя Его. Она поддерживается рефреном из Иисуса: “И иже аще мене ради / погубить свою душу / обрящет ю” (с. 62).

Третья часть поэмы написана как маленькая оратория о грядущем торжестве Иисуса и Его служения: “Грядет! Грядет! / Благословен Грядущий! / Осанна в вышних!” (с. 63). В четвертой части поэмы звучит тема выбора пути Иудой. Она сопровождается “подсказками” от Иисуса. Подсказка первая: “Но голос где-то, / как взрыд прощальный, / судьбой рыдает: / ‘Един, один из вас’...” (с. 65). Вторая – цитата из Матфея (21,

⁴ См.: Кодрянская Н. В. Алексей Ремизов. Париж 1959, с. 90.

⁵ См.: Вопросы жизни 1905. № 7, с. 204.

⁶ См.: Ремизов А. М. Собрание сочинений. Том 3. Оказион. Москва, Русская книга, 2000, с. 606. Комментарий Е. Р. Обатниной.

⁷ Ремизов А. М. Иуда // Собрание сочинений. Том 3, с. 62. Далее отсылка к тексту поэмы в скобках после цитаты.

21) не просто подсказка, но некое побуждение к действию: “Аще веру имате/ и не усумнитесь / не токмо смоковничное сотворите” (с. 66). Иисус как бы подталкивает Иуду к предательству, ибо подсказывает ему: имеющий веру может сотворить не только то, что Иисус сделал со смоковницей, но сдвинуть с места гору, поднять ее и ввергнуть в море, то есть достичь самой невероятной цели, каковой и было лже-предательство из верных верного.

Следующая часть передает накал терзаний Иуды: они не имеют границ. А Иисус по-прежнему ведет его к предательству словами, произнесенными на Тайной Вечери: “Аминь, аминь, глаголю вам / един из вас / предаст меня”. Иисус как бы приказывает ему: “Еже твориши, скоро сотвори” (с. 67). После разыгравшейся драмы “в рамках Евангелия” звучит предсмертная молитва Иисуса: “Отче! пришел час, / прославь Сына Твоего, / да и Сын Твой / прославит Тебя” (с. 68). Затем следует сцена предательства, которую Ремизов трактует как скорбное и высшее служение Иуды: “...припадая к устам любимым, / любви устами / путь открывает / к победе горней” (с. 68). Ремизов, досказывая евангельские недоговоренности и будучи уверен, что действует в строгом соответствии с Евангелием, показывает, как Иуде открывается понимание того, что Иисус не только Бог, но и человек, и как человек Он смертен: “Христос Иуде равен – / в Нем человек посеян – / И человека предал человек” (с. 70). В заключительной части Иуда “в тоске крошечной / перед презренными презренный / раскаялся” (с. 71), бросил сребреники, поступался к “матери покинутых” – к Смерти. Поэма оканчивается эпилогом со словами сопереживания, сострадания к рыцарю “поруганной веры”, так и не узнавшем о Христовом воскресении. Поэма, как и писал Ремизов, была достоверной, но и свободной вариацией на тему предательства евангельского апостола Иуды, притом, что все сочувствие, вся боль была отдана поверженному предательством Иуде. Из евангельского вора и злодея Иуда Ремизова преобразился в ученика, субъективно потерпевшего крах, объективно послужившего победительному служению Христа.

В книге апокрифических легенд “Лимонарь” каждая являет собой синкретическую контаминацию трех пластов древнекосмогонического, языческого и христианского сознания в их славянском варианте.⁸ В религиозно-‘отреченном’ фольклорном апокрифе “Гнев Ильи Пророка, от него же сокрыл Господь день памяти его” мистерия разыгрывается в преисподней, у врат которой сидят “под беловерхой яблоней с книгой Богородица и святой апостол Петр с ключами райскими. Записывает Богородица

⁸ См. об этом: Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб. 2000, с. 47-70.

в книгу живых и мертвых, указуя путь странствующим, отрешенным от тела, опечаленным душам...”⁹ Выбрав момент, когда утомленная Богородица опочила, а апостол Петр окунул “натрудившиеся ноги в источник забвенья”, Иуда – вечный пленник ада, “презренный, забытый Богом” (с. 39-41) сшиб себе золотое яблоко, ухватил и золотые ключи.

Там, в раю, соответствуя своей воровской натуре, Иуда “забрал солнце, месяц, утреннюю зарю, престол Господа, купель Христову, райские цвета, Крест и Мир” (с. 42-43), отнес в преисподнюю и тем открыл дорогу Геенскому Зверю, самому Дьяволу. Тот вылез “из бездны бездн”, залез на престол, захотел занять место Господа. По зову Господа побороть козни Дьявола один вызвался – Илья Пророк. Именно в его образе Ремизов синтезирует черты космогонические (властитель грома и молний, податель дождя), ветхозаветные (“ожесточено сердце Пророка, хочет мстить”) и новозаветные (он побеждает врага Иисусова – Иуду Искарюта: “испепелен ад, разгромлен Иуда, скован цепями”, да “так и будет прикован на цепи, и с петлей на шее до последнего суда не тронется ни на единую пядь из ужасного пекла”, с. 47-62).

Иуда преисподней – образ архаический, народно-славянский. Он соткан Ремизовым из трех поэтически слитых мифологических напластований, до него этот синтез уже совершило народнопоэтическое сознание; Ремизов же “реставрировал” или “реконструировал” его, опираясь на текст “Разысканий в области духовного стиха” А. Н. Веселовского. Как заметила А. М. Грачева, “в апокрифе Ремизова расправа Ильи с вихрем бесовской пляски предстает символической параллелью новозаветным событиям – Второму Пришествию и Страшному Суду”.¹⁰

Судьба и личность Иуды не оставляет Ремизова: в 1908 году он пишет первый, а в 1912-м – второй вариант “Трагедии о Иуде Принце Искарютском”. В Приложении указывает источники: труды П. А. Бессонова, Н. И. Костомарова, И. Я. Порфирьева, А. И. Яцимирского, а также народные песни, заговоры, колядки, старины и причитания. Все вместе они дали материал для создания живого, пестрого, расцвеченного мифологической, фольклорной стариной мира, которому была придана ремизовская огранка. Мейерхольд находил ее построение подобным средневековым мистериям.¹¹ В ней умело наложены друг на друга миф об Эдипе, легенда об Иуде, фольклорная Русь.¹²

⁹ Ремизов Алексей. Лимонарь, сиречь: Луг духовный. СПб, Оры, 1907, с. 36.

¹⁰ Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская культура, с. 59.

¹¹ Мейерхольд В. Э. Статьи, письма, речи, беседа. М. 1968. Ч. 1, с. 188, 207.

¹² Ср. Lampl Horst. Aleksej Remisov's Beitrag zum russischen Theater // Wiener Slawistisches Jahrbuch 1972. Bd. 17, pp. 136-183.

Главный интерес данной работы сосредоточен на Иуде и с ним связанной проблематике жанра. От поэмы о судьбе несчастного и от апокрифа о его безнадежных потусторонних днях Ремизов пришел к необходимости вочеловечить Иуду в трагедии. Трагедия эта хранит в себе память о трагедии мести (принц Иуда и принц Стратим и его царственные родители) и трагедии рока (он преследует Иуду как Эдипа и как такового). В ней звучит вопрос о постижении Божьего промысла. Более всего трагедия Иуды – это трагедия вины как некой субстанции миропорядка.

В первых действиях она развернута посредством оригинального повтора “вечной” трагедии Эдипа так же, как это было в народном “Сказании о Иуде предателе”. Однако вторая часть сказания о превращении Иуды-Эдипа в Иуду Искарриота-предателя (она присутствовала в апокрифе) в ремизовской трагедии обрывается, едва наметившись. Вся “Трагедия о Иуде” посвящена исключительно теме переживания невинной вины. Иуда прошел нелегкий путь узнания того, что было предсказано крылатым юношей до его рождения: убийство отца, женитьбу на матери, царский трон Искарриотский. Его узнание всегда приходит после случившегося. Перед исполнением загадочного последнего предсказания (“Горе душе и над горем горе и над бедами беда” – ибо сулит погубление всего рода) он замер в ужасе. Иуда знает имя вины – предательство. Иуде известно о появлении необыкновенного человека. Ему ведомо и то, что “Он ждет к Себе другого... и такой должен прийти к Нему, измученный, нигде не находя себе утешения, готовый принять на себя последнюю и самую тяжкую вину, чтобы своим последним грехом переполнить грех и жертвою своею открыть Ему путь” (с. 168).

По мнению Волошина, в “Трагедии” нет главного: Тайной Вечери и предательства Иуды. “Ваш Иуда... это Эдип, а не Иуда”. Волошин недоволен тем, что предательство Иуды не нашло в “Трагедии”, как он думает, “своего приготовления или оправдания”.¹³ Оппонент не заметил важных для Ремизова параллелей; Иуда-Эдип-Адам. Сад Сиборей и Симона – рай. Сиборей срывает золотое яблоко – знак первородного греха человечества. Иуда-Эдип несет на себе этот грех и увеличивает его убийством отца и женитьбой на матери (как Адам, он срывает золотые заповедные яблоки, не подозревая о роковом значении этого события). В “Трагедии” множество предметных и природных символов: гробик, в котором путешествует новорожденный Иуда, морская стихия, с которой он дважды вступает в контакт, гроза, к которой он готовится с приходом Иисуса, др. Их назначение приуготовить Иуду к принятию вины как

¹³ Волошин М. А. Письмо к А. М. Ремизову от 19 янв. 1909 г. Цитирую по: Гречишкин С. С., Лавров А. В. М. Волошин и А. Ремизов, с. 103.

искупления и наказания. Последняя правка текста “Трагедии”, сделанная Ремизовым на томе сирийского собрания сочинений, мотив трагической вины усиливает, тем указывая на его главенство. Драматург ввел в финал образы трех судий: их руки расprostерты крестообразно, а сами они, “как отдаленный окликающий голос” повторяют слова вещего предсказания крылатого юноши: “Горе его душе и над горями горе и над бедой беда – лучше бы было да ему на свет не родиться!”¹⁴

Трагедия вины, созданная Ремизовым, может быть дополнительно определена как “лирическая трагедия”. О появлении нового жанра в литературе оповестил Г. Чулков. По утверждению критика, он требует раскрытия до конца страдания героя и религиозного оправдания трагического события. Герой лирической трагедии “переживает *мировую трагедию*”; катарсис носит в ней “не эстетический, но *религиозный* характер”.¹⁵ Хотя Чулков не применил этот термин к “Трагедии” Ремизова, думается, что сам факт следования его статьи в “Золотом Руно” сразу за “Трагедией” Ремизова, удачно совпал с ее жанровой семантикой.

Фон сюжетного развития повести Андреева “Иуда Искариот и другие” образует история служения Христа, Его предания, пропятия и вознесения. Писатель проблематизирует комплекс нравственно-психологических вопросов под историческим и метаисторическим, философским углом зрения, касается их как религиозной тайны. Сюжетные “узлы” подчинены теме предательства как некоей земной субстанции. Андреев монтирует умело отобранные дискретные черты, детали образов и ситуаций. Они наличествуют в четвероевангелии, давно стали предметом обсуждения и истолкования священнослужителей и людей искусства, обративших на них внимание в виду их большей или меньшей непроясненности. Наконец, Андреев вырабатывает оригинальную трактовку образа и поступка “вечного” Иуды, исходя из собственных общефилософских и художественных представлений.

Ритм образа Иуды и “других” зависит от едва намеченных в повести двух фаз служения Иисуса. Первая связана с Его попыткой укрепить веру народа, вдохнуть в нее новую силу средствами убеждения и личного примера, совершения чудес, через которые уверовавшие могли бы узреть образцы вечной жизни. Вторая фаза принадлежит последнему периоду земного служения Христа, когда Он, уверившись в недостаточности убеждения и личного примера, решается стать на путь приведения людей

¹⁴ Ремизов А. М. Сочинения. Том восьмой, с. 183-184 // РО ИРЛИ. 256-1-71.

¹⁵ Чулков Г. И. О лирической трагедии // Золотое руно 1909. № 11/12, с. 53-54.

к вере через Свое пропятие, земную гибель, воскресение и преображение в небесное. Обе фазы служения Иисуса подчинены Его предназначению: “не отменить Ветхий Завет, но исполнить его”.

Для Андреева Иуда – полное и противоречивое воплощение человеческих достоинств и недостатков. Образ Иуды проецируется на весь иудейский народ, на всех современников (в первую очередь римлян), а затем – в их лице – на все человечество. Сочиняя текст, Андреев строго следует реалиям христианской истории, опираясь не только на свою интуицию или художественное воображение, но на Библию и десятки богословских источников. В их числе – что характерно для экзотеризма Андреева – пособия для учебных заведений и народного чтения. Поэтому, если те, к кому они адресованы, в детстве или в зрелости их читали, понимание повести Андреева облегчено.

В целях подтверждения сказанного обратимся к некоторым из них. В объяснениях Нового Завета, написанного отцом Гр. Лаврентьевым по рисункам Юлиуса Шнора (“Новый завет в картинках”. СПб. 1862), формулы Нового Завета всякий раз выводятся из пророчеств Ветхого. Так, к рисунку № 46 (“Умовение ног”) читаем объяснение: “...и вы чисты но не все... не о всех вас говорю: избранные из вас Мне известны, но между ними есть такой, над коим *сбудется Писание*: “ядущий со Мною хлеб, поднял на Меня пята свою” (Пс. 40, 10).

К рисунку № 47 (“Тайная Вечеря”): “Один из вас, сидящих здесь со Мною, предаст Меня! Впрочем, Сын Человеческий отходит, *как писано о Нем в пророчествах*. Но горе тому человеку, который предаст Его, лучше бы и не родиться ему”.

К рисунку № 48 (“Предательство Иисуса Христа Иудою”): “*Господь исполнил сказанное прежде*: “из всех которых Ты дал Мне, не погиб ни один у кроме сына погибели!” Если бы Иисус захотел, распятия бы не было, Отец послал бы на защиту Его “более, чем двенадцать легионов ангелов”. “*Но как же сбудется тогда все сказанное обо Мне в Писании? ужели не пить Мне чаши, которую дает Мне Отец?*”

К рисунку № 54 (“Смерть Иуды Искаротского”): подробно рассказывается история предательства, раскаяния, отчаяния, самоубийства Иуды и присовокупляется: “Так исполнилось пророчество Иеремии, который говорил: “И я взял 30 сребреников, цену оцененного, которого оценили сыны Израилевы, а они дали их за землю горшечника, как это мне открыл Господь!” (Зах, 11, 12-13). В повести Андреева также присутствуют вкрапления идей Ветхого Завета. Одна из их функций – внедрить идею рока как высшего предопределения, данного Господом, тяготеющего над жизнью и смертью человека, властного над Иисусом, как и над Иудой.

Тексты ряда источников отражаются в повести, как в зеркале, а она помогает им засверкать живой жизнью. Одним из показательных примеров может служить гимназический учебник протоиерея Петра Алексеевича Смирнова. Значительная часть первой главы повести посвящена загадке призвания Иуды, “человека очень дурной славы”,¹⁶ Иисусом в Свои ученики. Андреев предлагает преднамеренный ответ полуразгадку: “С тем духом светлого противоречия, который неудержимо влек Его к отверженным и нелюбимым, Он решительно принял Иуду и включил его в круг избранных...” (с. 211).

Протоиерей Смирнов посвящает разгадке избрания несколько параграфов учебника. § 25. “Призвание Левия”: “Я пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию”.¹⁷ § 29. “Избрание двенадцати апостолов”: Иисус призвал учеников с целью “исполнить Предание”, “призвать к покаянию” и только затем “посылать на проповедь” (с. 42) § 36. “Притча о семени и плевелах”; она посвящена объяснению происхождения зла на земле. Виновник зла – диавол. Он сеет зло, “когда люди беспечны или невнимательны”. “Господь терпит людей, в коих посеяно зло в надежде на исправление” (с. 52).

Андреев строит повесть как цепь “вразумлений” Иисусом Иуды. В случае кражи овцы, воровства денег общины, домогательства первенства в бросании камней, многое другое, Он тщетно ждет ответных – понимающих – поступков.

Смирнов часто касается вопроса о том, как трудно, не сразу, не до конца понимали Иисуса его ученики, тех, кого Андреев назвал: “другие”. § 45. “Беседа Иисуса о таинстве причащения”. Услыхав о причастии плотью и кровью Христа, многие из учеников “соблазнились о Нем, а некоторые совсем отошли”. Апостолы во главе с Петром “поспешили изъявить Господу свою любовь и преданность”, заявили о Нем как о “Сыне Бога живого”, но в сущности были еще далеки от понимания Им сказанного. Доказательство тому – трехкратное отречение Петра и то, что остальные “разбежались” (с. 64).

Вопрос о “других” в повести Андреева принципиально важный. К “другим” Андреев причислил и апостолов, и народ, и первосвященников, и римлян (Пилата, воинов). Что-то похожее писатель мог узнать на гимназической скамье: § 47. “Исповедание Петра”. Иисус: “За кого люди при-

¹⁶ Андреев Л. Н. Собрание сочинений в шести томах. Т. 2. М. 1990, с. 210. Далее текст повести цитируется по этому изданию с указанием после цитаты.

¹⁷ О. Смирнов П. А. Священная история Нового Завета в объеме гимназического курса. Изд. 4-ое. СПб. 1887 (с 1849 до 1916 г. вышло 26 изданий). Далее отсылки в тексте после цитаты.

нимают Меня?” Петр: “За Иоанна Крестителя, Илию, Иеремию, других пророков”. Иисус: “А вы?” Петр: “За Сына Бога живого”. Иисус тогда рассказывает ему и другим апостолам о Своем приблизившемся распятии и воскресении, а они захотели стать на Его защиту (Петр). Иисус реагирует остро, с возмущением и отчаянием, говоря: “Отойди от Меня сатана!” (Злой советник, не мешай осуществиться Моему пути). Иуда же вроде бы и помог пропятию, но через предательство, вроде бы и выполнил пророчество, но через страшный, непрощаемый грех (с. 65–66). – Ни народ (“люди”), ни апостолы (сам Петр), ни тем более Иуда – никто не проникся духом учения Иисуса Христа, никто Его не “узнал”.

Смирнов часто останавливается на тех главах Евангелия, в которых Иисус объясняет суть Своего учения – любви и смирения, в первую очередь. Возьмем § 51. “Наставление о смирении и незлобии”. Смирнов приводит ряд примеров из наставлений Иисуса, который не велит состязаться о местах, стремиться быть лучшим, первым, большим, самым приближенным к Христу по положению. Он цитирует: “Кто больше в Царствии Небесном? – Если хочешь быть первым, будь последним и всем слугою” (с. 70).

Андреев трижды обыгрывает этот мотив: в сцене метания камней, в споре Иуды с Петром и Иоанном о том, кто ближе всех ко Христу и в заключительной сцене самоубийства Иуды, когда он “уходит” к распятому Христу, чтобы быть с Ним рядом, в отличие от “других” – “предателей”. В центре всех трех обыгрываний – Иуда.

Помимо о. Смирнова немало служителей церкви касалось вопроса о “других”. Убедительную проповедническую книгу оставил архимандрит Нафанаил, ректор Тверской семинарии. Он выстроил пирамиду из “предателей” Иисуса. По его логике, первое место среди “других” уготовано “подкупленному ученику” Иуде. И хотя смерть Иисуса предопределена Господом, но “страшно сделаться распинателем невинного”, “лучше бы таким людям не родиться...”.¹⁸ Во-вторых, “это вожди, судии, учителя еврейского народа”. Автор ставит им в вину “личину образования и праведности”, “поверхностное понимание закона”, укоряет их “в хищениях, лукавствах, беззакониях”. “Из страха за свои места” они решились на “нечестивый допрос и незаконный приговор” (с. 3-5). На третье место среди “других” архимандрит поставил прокуратора Пилата: “...вопреки убеждению и желанию своему, Пилат делается из защитника Христова Его гонителем и распинателем” (с. 7). Четвертое место архимандрит отводит “народу, наущенному клеветой и злобою” (с. 8). Предпоследнее пя-

¹⁸ Нафанаил, архимандрит. Распинатели Христовы. Орел 1865, с. 2. Далее отсылки в тексте после цитаты.

тое место Нафанаилом закреплено за апостолами: любящий Иоанн, верующий Петр, терпеливый Иаков, другие – каждый – в страхе думали, что они не далеки от опасности предать Христа и спешили узнать от Господа: “не аз ли, Господи, Твой предатель?..” (с. 12).

От толкования Евангелия архимандрит Нафанаил переходит к проповеди, в которой называет шестой, последний, гипотетический разряд “других” – каждого молящегося: “...нам надобно испытать себя и спросить: не мы ли Твои предатели, гонители и враги? [...] Нет ли у нас качеств и действий распинателей Христовых?” (с. 13).

О. Смирнов, епископ Михаил, епископ Алексей¹⁹ – подробно пишут о символическом смысле притчи и бесплодной смоковнице. По Смирнову, верующий – “дерево плода и жизни”; не верующие – грешные. Господь долго ждет от них покаяния, они упорствуют, Он “пресекает их, как сухие бесплодные деревья, и осуждает на вечную погибель” (с. 99-100). По рассуждению епископа Михаила, притча об иссохшей смоковнице имеет – переносно – непосредственное отношение к судьбе иудейского народа, который “имел вид религиозности, держался обрядов и преданий религиозных”, но веры Христовой не имел.²⁰

Андреев перенес символическое значение образа иссохшей смоковницы, равного иудейскому неверовавшему в Христа народу, на образ Иуды как представительную часть этого народа. Иуду как бесплодную смоковницу собирался порубить секирою Иисус, когда увидел невозможность повернуть его в сторону религии любви и терпения. Этот момент в повести – ее кульминация. Иуда не в силах уверовать в Христа-Бога, любя Его как человека. Накапливавшаяся трагедия непонимания перерастает в трагедию-предательство.

Как и о. Смирнов, Андреев проводит Иуду через несколько этапов “вразумления”. Он не оставляет его уже предавшего. Андреев последовательно выстраивает параллель равных – Иисуса и Иуды: оба “хорошего роста”, большой силы ума, чувства, таланта, они – две половины одного умопостигаемого целого. Свет и тьма, прекрасное и безобразное, добро и зло, небесное (идеальное, совершенное) и земное (греховное, страдающее), они неразлучны в веках. Оба жаждут синтеза: Иисус – через всеобщее преображение в небесный свет (в жизнь вечную); Иуда – через гармоническое сосуществование. Андреев-художник повторил эту концепцию в пастели “Цари Иудейские”, где под одним терновым венцом в немом согласии, как братья, расположились головы Иисуса и Иуды. Так

¹⁹ Алексей, епископ, ректор духовной Академии. Бесплодная смоковница. Казань 1904.

²⁰ Михаил, епископ. Над Евангелием. Полтава 1911, с. 108.

же оканчивается и повесть: Иуда, покинув землю и “других” (предателей), уходит за Иисусом в смерть, чтобы с Ним вернуться на землю – один – царем земли, другой – неба (“цари иудейские”).

Три концепции вечного образа Иуды крайне непохожи друг на друга. Одна – Волошина – “гностическая”, эзотерическая, о тайном подвиге предательства; другая – Ремизова – о трагедии метафизической вины преступления, тяготеющей над человеческим родом; третья – Андреева – о трагедии вечного (также метафизического) непонимания, раскалывающей мир неразрешимых противоречий на две противоборствующие части – идеальную и “реальную”. М. Волошин писал как-то Ремизову о невозможности для себя принять его отношение к Иуде-Эдипу; о невозможности принять земного Иуду Андреева он писал в статье “Некто в сером”. От трех несовпадений и несогласий выиграла литература, в ней, говоря словами протоиерея Владимира Сорокина, живет “полыхание страстей как следы поисков путей истины” (Наука и религия 1990. № 8, с. 18).